

ЖИЗНЬ ПО МАКСИМУМУ

Первый ректор
одного из лучших
вузов страны
Волгоградского
государственного
университета, ныне —
директор НИИ «Проблемы
экономической истории
России XX века»,
доктор экономических наук,
заслуженный деятель науки РФ
и академик многих
общественных академий,
профессор, основатель
собственного направления в науке
М. ЗАГОРУЛЬКО
в нынешнем году
отмечает солидный юбилей —
восемьдесятiletие.
Годы не мешают
Максиму Матвеевичу
оставаться энергичным
и увлечённым,
он полон планов
и творческих надежд.

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

Говорят, с возрастом человек становится философом. Особенно, если в его жизни были препятствия, преодолеть которые дано не каждому. Более того, преодолеть мало, важнее — не ожесточиться сердцем, сохранить веру в гуманизм, способность мечтать и любить мир, несмотря ни на что. Примерно так можно определить человеческое кредо Максима Загоруйко. Рассказывать о себе он не любит, да и времени нет на воспоминания. И всё же картины детства, юности постоянно всплывают в памяти.

Максим Матвеевич с гордостью называет себя настоящим кубанским казаком. До сих пор, как самую дорогую семейную реликвию, хранит он отцовскую казачью саблю — украшенную серебром, старинную, потёртую. Эта сабля помнит славные дела многих прежних поколений, но и нынешний её обладатель не уронил чести предков.

В 1929 году отца арестовали по обвинению в причастности к казачьему бунту, а затем вместе с семьёй отправили на поселение в село Дивное. Здесь, на окраине Ставрополя, прошло детство Максима. Здесь его застала война. «1941 год, конец июня, — вспоминает он. — Мне неполных семнадцать лет. Вместе с ребятами в ночном пасу лошадей. И вдруг видим, скачет наш товарищ: ребята, война! Для нас, детей спецпоселенцев, живших без права выезда, не имевших ни газет, ни радио, это было полной неожиданностью». Деревенские мальчишки, конечно, мечтали о военной службе, но никак не думали в одночасье оказаться на поле боя. Один из них, постарше, уже отслужил в армии и возвратился с наградой — медалью «За отвагу». Это воспринималось как свидетельство какого-то невероятного подвига. Но о настоящих подвигах никто из них тогда ничего не знал.

В сентябре 1941 года нужно было идти в десятый класс. Но учебный год не начался — старшекласников направили на строительство оборонительной линии под Ставрополь. Жили в бараках до глубокой осени. Здесь Максима приняли в комсомол, а до этого он как сын человека, запятнавшего себя перед советской властью, комсомольцем не был. Не покидало чувство обиды. Хотя в семье дети никогда не слышали от родителей ни одного слова о несправедливости или чего-то подобного. Видимо, это объяснялось природной нравственностью, внутренней культурой, часто присущей именно людям простым, малограмотным.

Ну как не гордиться внучке таким дедом!

Учебный год продолжился лишь зимой, а в июне, по окончании школы, их, ещё не достигших восемнадцати лет, призвали в армию. Как особую историю вспоминает Максим Матвеевич получение аттестата: «Директор школы был очень принципиальным человеком, его уважали и побаивались. А здесь он проявил ещё и мудрость, которую я смог оценить не сразу. Человек умел смотреть шире и глубже школьной программы, понимал, что людям, которые уходят на фронт, главное — выжить, а уж выучиться каждый сможет потом — было бы желание. Прямо в военкомате поставили стол. Директор брал бланк очередного аттестата и тут же диктовал: русский письменно — удовлетворительно, география — удовлетворительно и так далее. Зато по тракторам и комбайнам — была у нас такая дисциплина, и её мы действительно знали — у всех были отличные оценки. Учителя расписались. Вот так вручали нам аттестаты». Впереди у каждого была война. Конечно, аттестат отчасти имел формальное значение, но на фронте впоследствии Максима принимали как грамотного, даже образованного человека — всё-таки десятилетку окончил!

Он мечтал стать геологом, в чём проявлялся, как сам считает, некоторый юношеский романтизм и давнишняя детская мечта увидеть мир. К слову, в первые послевоенные годы государственные органы принимали достаточно мудрые решения — вузовские программы первых курсов создавались с учётом недостаточного образования абитуриентов. Например, программа по высшей математике начиналась с элементарного. Всем было понятно, что собой представлял абитуриент 1946 года. Но это было потом.

Истинная жизненная школа Максима началась гораздо раньше. С десяти лет он работал в колхозе: и косил, и молотил, и пахал, и за скотом ходил, и коней пас. Уже тогда, в раннем детстве, научился он ценить труд как таковой. «Формирование меня как личности идёт оттуда, из крестьянского детства», — говорит Максим Матвеевич. Юность же его, как и многих, началась с войны. После призыва попал на военную подготовку, которая, как ему казалось, была просто страшной муштрой. Больше всего возмущало, что приказы, даже самые глупые, нужно было выполнять беспрекословно. Ведь это же насилие над личностью! Но неожиданный случай заставил многое понять. Один призвник — случайно или нарочно? — отрубил себе палец, то есть оказался фактически не годен к военной службе. Как это получилось, никто не разбирался. Всех построили, парню объявили приговор без суда и следствия и тут же расстреляли. «В тот момент моё детство кончилось», — вспоминает Максим Матвеевич. — Я сразу понял всё: что закон военного времени жесток и не прощает ошибок, что враг угрожает нашей Родине и мы, её защитники, должны быть готовы к тяжёлой, беспощадной, бескомпромиссной работе. И всё это не сравнимо с ценностью жизни одного человека. С той секунды я стал солдатом и понял, что способен отвечать за свои поступки». Позже, вспоминая свои военные годы и анализируя весь четырёхлетний путь нашей армии от Белоруссии до Волги и от Волги до Берлина, он всё больше понимал, что иначе поступать в те жестокие годы было невозможно. Кстати, приказ о штрафных батальонах уже действовал и был, по его мнению, действительно необходим. А в армии вермахта подобный приказ существовал с самого начала войны...

Потом была контузия, госпиталь в Саратове, авиационная школа в Энгельсе. Но лётчиком он не стал, о причине чего догадался позже. Учился в снайперской школе, хотя и снайпером повоевать не пришлось. Очень хо-

телось на фронт, другие давно воевали, а он ещё и не нюхал пороха. «Как же так, все участвуют в боях, настоящие фронтовики, а я как матери в глаза посмотрю?» Это чувство прошло, когда получил он свою первую награду — медаль «За отвагу». А воевать довелось танкистом. Ускоренный курс танковой школы настоящих навыков не дал — разве можно изучить танк за один месяц? Тут подоспел приказ командования о том, чтобы из молодых танкистов формировать экипажи и отправлять на завод, выпускающий танки. Каждый танк должен был собрать его же экипаж, для себя, и на нём отправиться на фронт. Когда ты знаешь механизм машины до единого узла и винтика, то и обращаться с ней, и воевать можно успешнее. С горящего танка ему приходилось прыгать пять раз. Участвовал в боях на Украине, в районе Киева и Бердичева, освобождал Чехословакию. Девятого мая 1945 года встретил в Праге. Это было незабываемо: «Мы двигались колонной к Праге — весна, солнце, природа оживала, всё зелёное — а навстречу нам также колонной шли сдающиеся фашистские части. Восьмого мая я написал открытку маме: «Машина вся в цветах, просто не в бой идти, а на парад. Я хотел сказать, что война закончилась, но было только восьмое мая, и открыто говорить об этом не решился».

Служба продолжалась и в послевоенные годы. Судьба занесла его в Новосибирск, потом на Дальний Восток. Демобилизовался в 1947 году, вернулся на родину. Встретили его с распростёртыми объятиями, как встречали не просто уцелевших фронтовиков, а героев. Буквально на следующий день направили секретарём райкома комсомола. В то время как раз появилось решение ЦК партии о работе с верующими. Требовалась не абстрактная, общая антирелигиозная пропаганда, а работа с конкретным человеком. В Дивном, конечно, был храм, полуразрушенный, но прихожан было много. Максим Матвеевич вспоминает: «Мои родители не были фанатично верующими, но традиций придерживались. Мама ходила на службы, отмечали праздники. А после войны мама ещё более укрепилась в вере. Дело в том, что она получала на меня две похоронки. Но надежды не утратила, просила Бога вернуть ей сына. Так и говорила: я тебя у Бога вымолила. И действительно, я вернулся — на войне всякое бывало. Так что решил я начать антирелигиозную пропаганду с собственной матери. Но у меня ничего не получилось — она обладала этакой крестьянской житейской мудростью и быстро поставила меня на место: я в твою марксизму-ленинизму не лезу и ты мою веру не тронь!» Вспоминается Максиму Матвеевичу и эпизод из раннего детства, когда учительница предложила первоклассникам записаться в «кружок безбожников». Он, конечно, записался одним из первых. «Иду, душа поёт — приобрелся куда-то. Мать поговорила со мной доверительно, терпеливо и велела из кружка «выписаться».

Всю жизнь, независимо от того, каких высот кто из нас достиг, авторитет матери для меня и моих сестёр оставался на высоте». Много позже, уже здесь, в Волгограде, когда Максим Матвеевич был ректором Волгоградского пединститута, ему присвоили звание Почётного профессора одного из престижных вузов Чехословакии. Вручили мантию, шапочку. Вернувшись, он решил всё это продемонстрировать домашним. Собрались в семейном кругу жена, дети и, конечно, мама. Ну как? Все с любопытством ждут, что же скажет она, погордится ли сыном? Она помолчала и вдруг изрекла: «Не по той линии ты, сынок, пошёл. Пошёл бы по церковной — большим бы человеком стал». С тех пор это стало любимой семейной шуткой.

Заканчивались семидесятые годы прошлого столетия. В вузовских кругах ходили слухи, что в Волгограде планируется открытие государственного университета. Но кто возглавит новый вуз и кто будет преподавать в нём, было неизвестно. Прошло немного времени, и в числе первых получил приглашение на работу Р. Ковалевский. Случилось это при весьма необычных обстоятельствах. Ростислав Леонидович часто вспоминает тот день: «В 1979 году проходила Международная конференция ректоров в Германии. Делегацию от Волгограда возглавлял Максим Матвеевич, с которым мы уже тогда не только вместе работали, но и дружили. Помню, возвращаемся как-то в огромном полупустом автобусе с очередного заседания, вдруг он меня спрашивает:

— Ты знаешь, кто я такой?

Я рассмеялся: вроде водку ещё не пили, чтобы забыть, кто есть кто. А он повторяет серьёзно:

— Нет, на самом деле, кто я такой, где работаю?

— Вы, Максим Матвеевич, — ректор Волгоградского государственного педагогического института!

— А вот и ошибаешься! Я — ректор Волгоградского государственного университета!

Оказывается, перед самой поездкой он получил новое назначение.

— Пойдёшь ко мне работать?

Видя вдохновлённость Максима Матвеевича, я сразу, не раздумывая, ответил согласием».

Ещё не было ни студентов, ни преподавателей, ни нынешних учебных корпусов — ничего не было. Было лишь правительственное постановление о создании университета и огромное желание кучки энтузиастов воплотить это постановление в жизнь.

Надо сказать, свидетели и непосредственные участники тех событий сходятся во мнении, что назначить на должность ректора М. Загоруйко было самым удачным и мудрым решением в тот момент. Более талантливого, энергичного, одержимого идеей человека просто невозможно было сыскать. Он понимал, что нужно создавать не новый пединститут, а принципиально другой вуз — нацеленный на науку. В разных ситуациях Максим Матвеевич мог вести себя по-разному, но всегда добивался желаемого результата. Трудно представить, как в начале восьмидесятых, когда жизнь в стране готова была круто измениться, всё же удалось на этой горе, на пустом месте и довольно быстро построить целый университетский городок. Причём не на базе существующего вуза, а буквально, что называется, с нуля.

По проекту предполагалось возведение пятидесяти двух зданий — большой научной библиотеки и общежития, административного и нескольких учебных корпусов, жилых домов, спортивных сооружений и кинозала. Но до этого было ещё далеко, а в 1980 году, к началу учебного года, нужно было достроить отданное университету типовое здание школы близ обувной фабрики. Здесь и планировалось расположить первый и единственный к тому времени факультет. «Помню, в феврале приехал к нам коллега из ГДР, — рассказывает Р. Ковалевский. — Максим Матвеевич водил нас по этому зданию, которое фактически представляло собой одну коробку — ни окон, ни дверей. Показывал: здесь будет мой кабинет, а здесь большая аудитория, где абитуриенты будут писать вступительное сочинение. Немец не верил: «Никак нельзя!»

Действительно, поверить, что уже в августе того же года университет откроет двери, было трудно. Но в отличие от заезжего гостя Максим Мат

веевич и его немногочисленные коллеги понимали, что выбора-то, собственно, нет: от размера учебной площади зависело, сколько студентов разрешат набрать. Предстоял исторический «поход на Москву», о котором тоже часто вспоминает Р. Ковалевский: «Поехали мы в министерство, в планово-финансовый отдел к специалисту, который решает вопрос о наборе в новые вузы. Сюда каждый посетитель обращался с одной и той же просьбой — увеличить набор. Входим. Сидит женщина, столь разгневанная, что и подойти страшно. Тем более мы тоже хотели просить об увеличении числа студентов, хотя никаких оснований на то у нас не было. И тогда Максим Матвеевич очень серьезно обращается к этой даме:

— А почему у вас коврика нет?

— Зачем?!

— А как же на колени становиться?

Она оценила шутку, обстановку удалось разрядить, и наш вопрос решился, как мы хотели. В общем, М. Загорулько пускал в ход весь свой многогранный человеческий талант, в том числе — мужское обаяние. Так бывает, когда человек колоссально увлечён своим делом, ему всё удаётся. Или другое. Появлялись первые компьютеры, на всю Россию по вузам распределяли всего одиннадцать штук. Так что вы думаете? Наш университет оказался в этом списке! Под номером 11. Благодаря опять же Максиму Матвеевичу. Как ему это удалось, никто не знает».

Те, кто участвовал в строительстве первого корпуса университета, не забудут этого никогда. Особенно некоторые моменты. Закончили отделку, даже паркет настелили общими усилиями строителей и доцентов, подготовили аудитории для экзаменов. И вот шесть часов вечера накануне, на следующий день абитуриенты придут писать вступительное сочинение. А стулья? Все в ужасе. О стульях-то забыли! Максим Матвеевич звонит в соответствующую организацию и говорит, что сочинение придётся писать стоя. И что? Машина со стульями пришла почти в полночь. Преподаватели ждали, разгрузили эту машину, и к утру всё было готово.

Наконец 1 сентября 1980 года. Р. Ковалевский вспоминает этот день, как будто он был вчера: «Ждём руководителей города. Это не просто начало учебного года. Это открытие нового вуза! И вдруг кто-то вспомнил, что нет звонка. Пришлось срочно позаимствовать в соседней школе обыкновенный колокольчик. Но запомнился этот день, конечно, первой лекцией ректора. Думаю, 250 человек тех новоиспечённых первокурсников тоже помнят её. Более вдохновенной, даже пламенной речи я не слышал. Это было обращение к студентам, призыв отдавать силы, интеллект постижению наук. Получилось так, что в восьмидесятом году в связи с Олимпиадой въезд в Москву был ограничен и многие обратились к новому волгоградскому университету. Так что мы собрали буквально сливки со всего Советского Союза — медалисты, победители предметных олимпиад. Всего было пять специальностей: русская филология, романо-германская филология, математика, физика, история. А факультет был один, причём назывался он весьма необычно — факультет естественных и гуманитарных наук. Это, конечно, было придумка Максима Матвеевича. Я стал первым деканом первого факультета».

Позже, когда сдавали корпус Г, это было уже в 1983 году, нужно было закончить работы непременно к 25 декабря, чтобы успеть реализовать выделенные средства до конца года. Но строители никак не успевали. Максим Матвеевич о чём-то попросил мастера, и на несколько дней целая бригада поселилась в строящемся здании. Здесь же обедали, спали, работы не прекращались ни днём, ни ночью. Когда корпус сдали, строители были

главными героями торжества в полном смысле этого слова. И конечно, ректор, отдавший этому делу свою энергию, свой неиссякаемый энтузиазм. Из подобных эпизодов складывался каждый день. Маляры и штукатуры на долгое время стали ближайшими коллегами студентов, аспирантов, доцентов. Когда строилось университетское общежитие, Р. Ковалевского назначили начальником общественного штаба. Зачем был нужен такой штаб? Очень просто: более половины рабочей силы на стройке составляли студенты и преподаватели. Однажды математики взбунтовались: это не входит в наши должностные обязанности! Формально они были правы. Но в тот момент всё держалось на подъёме и личной заинтересованности каждого, и если бы каждый строго взывал к своим обязанностям, удалось ли бы создать университет, причём за такое короткое время, неизвестно.

Сегодня всё это уже история. В университетском музее есть интересный экспонат — некое древо, условно изображающее, что из чего выросло. Но Максим Матвеевич и без того помнит каждый день из этого двадцатилетия своей жизни. Первые преподаватели пришли из других вузов. Например, филологи и историки — из пединститута. Но большинство составляли приезжие из Москвы и Ленинграда, Омска и Томска, Саратова, Воронежа и Уфы, Нижнего Новгорода — то есть крупных вузовских центров. Многие не приживались, уходили. Зато те, кто остался, постепенно образовали коллектив. Первый преподавательский коллектив университета.

Максим Матвеевич рассказывает: «Чтобы у них был стимул работать, я заставлял каждого на заявлении писать, когда он будет защищаться на учёную степень. И потом вывешивал эти заявления на всеобщее обозрение. Для тех, кто своих обещаний не выполнял, мы организовали так называемую «доску позора». Шутки шутками, а защиты пошли. И сейчас фактически вся профессура ВолГУ — это бывшие молодые учёные, кандидаты наук. Теперь уже «доску позора» вполне заслуженно сменила Доска почёта.

На дверях ректорского кабинета можно было видеть табличку «Студенты принимают в любое время и вне очереди». Рассуждал М. Загоруйко так: если студент может решить свой вопрос в деканате, профкоме или ещё где, он туда и пойдёт. Если же он идёт к ректору, значит, у него что-то безотлагательное и серьёзное и тут уж надо его принимать действительно в любое время, без ограничений. Он придерживался принципа: при решении вопроса всегда быть на стороне студента.

Отдав ректорству значительную часть своей жизни, М. Загоруйко тем не менее задаёт себе множество вопросов. Например, такой. Руководить вузом — работа суперсложная, но КПД её зачастую ниже оценки деятельности, скажем, директора крупного завода, который производит нужную всем продукцию. Почему? Ведь и этот директор, и специалисты завода, и сама продукция — всё начинается с вуза. Ответ на вопрос — часть государственной политики страны, но это, увы, уже тема другого разговора.

Сейчас, по истечении двадцати четырёх лет, Волгоградский государственный университет имеет мощный научный потенциал. Нынешний ректор академик О. Иншаков, достойно продолживший дело, рассказывает: «Сегодня в университете вместе с его филиалами около полутора тысяч преподавателей, более трёхсот аспирантов и свыше десяти тысяч студентов. Есть у нас свои «аксакалы» с непререкаемым авторитетом. Это, конечно, Максим Матвеевич Загоруйко, София Петровна Лопушанская и Анатолий

Степанович Скрипкин. Это люди, полностью отдавшие себя университету, к ним мы относимся с особым трепетом, обращаемся за советом. Их заслуги отмечены Правительством России». Сегодня в ВолГУ десять факультетов и пять филиалов — в Урюпинске, Михайловке, Калаче, Волжском и Ахтубинске. Из 82 классических университетов России волгоградский по всем показателям занимает 28-е место, что можно считать прекрасным результатом за столь небольшой срок. Дерево знания растёт...

Для этого сделано многое, в том числе и первым ректором. Прежде всего была заложена кадровая основа, которую составили не просто хорошие специалисты, а люди неравнодушные, увлечённые. М. Загоруйко сумел подобрать соратников и единомышленников, заразить их своим энтузиазмом, и они воспринимали создание этого нового вуза как личную заботу каждого. Бывало, что возникали трудности, казалось бы, непреодолимые. В подобных случаях руководитель часто начинает давить на подчинённых, и те постепенно могут возненавидеть дело, которое выполняют. Максим Матвеевич же избрал другой стиль: он сам относился ко всему заинтересованно и с любовью, вникал во всё до мелочей, не считался со временем, что называется, дневал и ночевал в университете, не замечал болезней, усталости. Люди невольно следовали его примеру, потому что быть безразличным просто не получалось. Последние поколения преподавателей и студентов пришли на готовое, огромный вузовский механизм уже работал стабильно, без перебоев, так что колоссальные усилия пионеров ВолГУ дали столь же впечатляющий результат.

Что интересно, люди, близко знающие М. Загоруйко, отмечают оригинальное, никогда не изменяющее ему чувство юмора. Р. Ковалевский называет Максима Матвеевича человеком заводным и даже озорным: «Вспоминаю, как мы с ним были в заграникомандировке в Австрии и Германии. Однажды выбрались в пивную. Максим Матвеевич взял с собой настоящую волжскую чехонь, смачно так стал отбивать её об стол. Бьёт, а сам наблюдает, каково впечатление. Местные завсегдатаи, конечно, оставили свои кружки и обратили все взоры на нас. Наверно, такой экзотики они ещё никогда не видели. Мы превратились в этаким мини-театр. Максим Матвеевич был доволен, что шутка удалась. Таков он во всём. Нестандартность я бы назвал главной чертой его личности».

Может быть, поэтому у таких людей, за что бы они ни брались, всё получается. Говорят, если М. Загоруйко поручить руководство колхозом, он и из него сделает конфетку. Впрочем, до колхоза дело не доходило, а вот что касается новых институтов — учебных и НИИ — это да, получалось. Явление последних лет — четыре научно-исследовательских института под крышей ВолГУ. О. Иншаков рассказывает: «Первый был создан в 1995 году. А до того была разработана такая своеобразная модель дистантной лаборатории. Смысл проекта состоял в том, чтобы привлечь к научной деятельности специалистов по истории народного хозяйства. Так возник НИИ «Проблемы экономической истории России XX века», который ныне возглавляет первый ректор ВолГУ М. Загоруйко, блестяще воплотивший идею в жизнь».

В последнее время Максим Матвеевич занимается исследованием документов военнопленных, причём, как он сам говорит, «единолично, как-то так получилось». Результаты исследований могут остаться на несколько столетий ввиду бесспорной исторической ценности самих документов. Выходит научный ежегодник «Стрежень». Недавно М. Загоруйко издал единственную в мире «Библиографию публикаций Вольного экономического общества за 235 лет». Вышла она в Москве. И это действительно тоже

останется в истории. Но не только. Ещё — целая плеяда молодых учёных, дипломированных специалистов, десятки учёных степеней, научные открытия бывших учеников и традиции вуза, основанного этим ректором.

Жизнь, как известно, дорога каждому просто потому, что она жизнь. Мысль, увы, не оригинальна. Но согласитесь, не каждый умеет жить ярко, вдохновенно, со вкусом. Далеко не всем дан талант любить людей, вдохновлять их своей увлечённостью, слыть неисправимым мечтателем и в то же время уметь воплощать свои мечты в реальность. Ну как тут не вспомнить классика:

Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру...

Любовь ЧЕРНЯВСКАЯ